

УДК 347.61/.64

DOI: 10.34670/AR.2026.89.66.033

Эмоциональное оставление ребенка в российском семейном праве: проблемы квалификации и правовые последствия

Загорских Светлана Анатольевна

Старший преподаватель,
кафедра гражданского права,
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: pelageya82@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена «эмоционального оставления» (психического отвержения) ребенка в контексте российского семейного права. Анализируются нормативные основания привлечения родителей к ответственности за психическое насилие и эмоциональное пренебрежение, рассматриваются актуальные тенденции судебной практики, в том числе квалификация систематического «необщения» как самостоятельного основания для лишения родительских прав. Особое внимание уделено проблемам доказывания эмоционального оставления и необходимости совершенствования законодательства в данной сфере. Автором обосновывается вывод о том, что эмоциональное оставление, несмотря на отсутствие прямого упоминания в Семейном кодексе РФ, подлежит правовой квалификации через институты психического насилия, уклонения от воспитания и злоупотребления родительскими правами, а судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию чисто психологического отвержения самостоятельным основанием для применения самых суровых мер семейно-правовой ответственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Загорских С.А. Эмоциональное оставление ребенка в российском семейном праве: проблемы квалификации и правовые последствия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 314-329. DOI: 10.34670/AR.2026.89.66.033

Ключевые слова

Эмоциональное оставление, психическое насилие, лишение родительских прав, ограничение родительских прав, уклонение от воспитания, необщение с ребенком, семейное право, жестокое обращение с детьми, эмоциональное пренебрежение.

Введение

На международном и национальном уровнях закреплено право каждого ребенка жить и воспитываться в семье, право на совместное проживание с родителями и воспитание ими. Осуществление родительских прав не должно причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Однако в современной правовой доктрине все более остро ставится проблема так называемого "эмоционального оставления" (emotional neglect, affective abandonment) - ситуации, при которой родители формально сохраняют права и нередко выполняют материальные обязательства, но систематически игнорируют эмоциональные потребности ребенка, лишая его необходимой психологической поддержки, заботы и участия в жизни.

В отечественной доктрине семейного права традиционно исследуются такие формы нарушения прав ребенка, как физическое насилие, жестокое обращение, уклонение от исполнения родительских обязанностей. Категория "эмоциональное оставление" остается практически не разработанной: отсутствует ее легальное определение, не выработаны критерии, позволяющие отграничить ее от смежных правовых явлений, что порождает неопределенность в правоприменительной практике.

Отдельные аспекты защиты детей от психологического насилия рассматривались в работах А.М. Нечаевой [Андреянова, 2025], Н.Н. Тарусиной [Тарусина, 2024] и других. Однако категория "эмоциональное оставление" как самостоятельная форма нарушения прав ребенка в российской науке семейного права практически не исследована.

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, нарастающая дестабилизация семьи и семейных устоев приводит к росту случаев эмоционального отвержения детей, в том числе во внешне благополучных семьях. Во-вторых, действующее семейное законодательство не содержит прямого понятия "эмоциональное оставление", что порождает трудности правовой квалификации и доказывания. В-третьих, судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию оснований лишения и ограничения родительских прав, что требует системного научного осмысления.

Цель настоящей статьи - на основе анализа нормативных правовых актов, доктринальных источников и судебной практики определить правовую природу эмоционального оставления ребенка, выявить проблемы его квалификации и предложить пути совершенствования законодательства в данной сфере.

Понятие и сущность эмоционального оставления

В психологической науке эмоциональное оставление (эмоциональное отвержение) рассматривается как форма психического насилия, выражающаяся в систематическом игнорировании родителями эмоциональных потребностей ребенка, отсутствии эмоциональной теплоты, заботы и участия в его жизни, а также в применении недопустимых способов воспитания, унижающих человеческое достоинство. В юридической литературе данное явление все чаще анализируется в контексте неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, однако единого правового подхода к его содержанию не выработано.

Представляется возможным определить эмоциональное оставление ребенка как

систематическое (не менее трех месяцев подряд) уклонение родителя (лица, его заменяющего) от выполнения обязанностей по эмоциональной заботе о ребенке, выражающееся в отсутствии должного внимания, участия в жизни ребенка, эмоциональной поддержки, не обусловленное материальными трудностями, если такое уклонение подтверждено заключением судебно-психологической экспертизы как причиняющее вред психическому здоровью или нравственному развитию ребенка. Эмоциональное оставление представляет собой форму неисполнения родительских обязанностей по воспитанию и создает угрозу психическому благополучию ребенка.

Из данного определения вытекают следующие сущностные признаки эмоционального оставления:

- систематичность - разовое проявление холодности или отстраненности, как правило, не образует рассматриваемого явления; необходимо длящееся, повторяющееся поведение (бездействие);
- пассивная форма - эмоциональное оставление выражается преимущественно в бездействии, отказе от эмоционального контакта, а не в активных насильственных действиях, что отличает его от психического насилия в узком смысле (оскорбления, угрозы, унижения);
- отсутствие материальной обусловленности - родители могут надлежащим образом исполнять имущественные обязанности (содержать ребенка, оплачивать обучение, лечение), что не исключает эмоционального оставления;
- реальная угроза психическому здоровью и развитию - игнорирование эмоциональных потребностей приводит к деформации личности, эмоциональной депривации, трудностям социализации, что подтверждается данными возрастной психологии и детской психиатрии.

Эмоциональное оставление необходимо отграничивать от смежных правовых категорий. Психическое насилие (ст. 69 СК РФ) предполагает прежде всего активные действия - угрозы, запугивание, унижение, грубое обращение, тогда как эмоциональное оставление - это преимущественно бездействие, хотя в ряде случаев они могут сочетаться. Жестокое обращение (ст. 156 УК РФ) охватывает как физическое, так и психическое насилие, но в правоприменительной практике оно чаще связывается с явными, внешне выраженными формами. Уклонение от выполнения родительских обязанностей (ст. 69 СК РФ) традиционно толкуется как неисполнение всего комплекса обязанностей, включая материальное содержание и заботу о здоровье; эмоциональное оставление представляет собой специфическую разновидность такого уклонения, когда при формальном выполнении части обязанностей полностью игнорируется эмоционально-воспитательная составляющая.

Действующее семейное законодательство не содержит легального термина "эмоциональное оставление", однако его признаки могут быть квалифицированы через ряд норм. Согласно ст. 69 СК РФ, родители могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей или жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют психическое насилие над ними [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что уклонение от родительских обязанностей может выражаться в отсутствии заботы о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка, а также в уклонении от его воспитания и обучения [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44, 2017]. Таким образом, систематическое игнорирование эмоциональных потребностей ребенка, отказ от общения с ним,

демонстративное безразличие к его переживаниям могут быть оценены как уклонение от воспитания либо как психическое насилие в форме пренебрежения.

Ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ) применимо, если оставление ребенка с родителем опасно для него вследствие поведения родителя, но достаточные основания для лишения прав отсутствуют [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Эмоциональное оставление, не достигшее степени злостного уклонения или жестокого обращения, но создающее угрозу психическому здоровью ребенка, может служить основанием для ограничения родительских прав.

Уголовная ответственность по ст. 156 УК РФ наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996]. Эмоциональное оставление само по себе, без признаков жестокости, обычно не образует состава данного преступления, что порождает пробел в уголовно-правовой охране прав ребенка.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что эмоциональное оставление ребенка представляет собой самостоятельную форму нарушения права ребенка на заботу и воспитание, которая не сводится ни к одному из закрепленных в законе оснований ответственности родителей, хотя и может быть частично охвачена ими. Это обуславливает необходимость дальнейшей разработки доктринального понятия и критериев квалификации эмоционального оставления, а также постановки вопроса о его возможном легальном закреплении в семейном законодательстве.

"Необщение" как самостоятельное основание для лишения родительских прав

Одной из наиболее значимых тенденций современной судебной практики по спорам о воспитании детей является признание систематического уклонения родителя от личного общения с ребенком самостоятельным и достаточным основанием для лишения родительских прав. Несмотря на то, что Семейный кодекс РФ в ст. 69 прямо не выделяет "необщение" в качестве отдельного основания, суды правомерно квалифицируют такое поведение как форму уклонения от выполнения родительских обязанностей, а именно от обязанности по воспитанию ребенка (ст. 63 СК РФ) [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995]. Подобная квалификация отражает содержательное наполнение родительских прав и обязанностей, которые не исчерпываются материальным содержанием, а включают личное участие в жизни ребенка, заботу о его физическом, психическом, духовном и нравственном развитии.

Для целей правового анализа под "необщением" следует понимать систематическое, продолжающееся без уважительных причин уклонение родителя от любых форм личного контакта с ребенком (встреч, телефонных разговоров, переписки, совместного проведения досуга), повлекшее утрату или существенное ослабление эмоциональной связи между ними. Данное поведение представляет собой разновидность эмоционального оставления, поскольку родитель, сохраняя юридическую связь с ребенком и нередко исполняя имущественные обязанности, сознательно устраняется от межличностного взаимодействия, необходимого для нормального психоэмоционального развития несовершеннолетнего.

Правовую основу квалификации "необщения" образуют следующие нормативные положения. Во-первых, ст. 63 СК РФ возлагает на родителей обязанность воспитывать своих детей, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном

развитии. Во-вторых, ст. 66 СК РФ, регулируя осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, закрепляет его право на общение с ребенком и участие в его воспитании. При этом, как обоснованно отмечается в юридической литературе, реализация данного права не может быть произвольной: она подчинена интересам ребенка и одновременно является формой исполнения родительской обязанности по воспитанию [Тарусина, 2024]. Следовательно, отказ от общения без уважительных причин, длящийся во времени, свидетельствует о неисполнении этой обязанности. В-третьих, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 "О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав" раскрывает понятие уклонения от выполнения родительских обязанностей, относя к нему, в частности, отсутствие заботы о психическом, духовном и нравственном развитии детей, уклонение от их воспитания и обучения [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44, 2017]. Систематическое необщение родителя с ребенком, при котором родитель не проявляет интереса к его жизни, не участвует в воспитании, не оказывает эмоциональной поддержки, полностью охватывается данным разъяснением.

Анализ судебной практики показывает, что для признания "необщения" достаточным основанием для лишения родительских прав суды устанавливают совокупность следующих юридически значимых обстоятельств: 1) длительность и систематичность уклонения от контактов (как правило, не менее нескольких месяцев или лет); 2) отсутствие уважительных причин, объективно препятствующих общению (тяжелая болезнь родителя, отдаленность проживания при доказанной невозможности приезда, противоправное поведение второго родителя, создающего препятствия); 3) наличие у родителя реальной возможности поддерживать связь с ребенком; 4) отношение второго родителя (не препятствовал ли он общению); 5) последствия для ребенка (утрата привязанности, эмоциональное отчуждение, негативные изменения в поведении и развитии). При этом суды исходят из того, что надлежащее исполнение обязанности по материальному содержанию, включая регулярную уплату алиментов, не компенсирует отсутствие личного участия в воспитании и не является основанием для отказа в лишении родительских прав.

Показательной в этом отношении является сложившаяся судебная практика: суды, руководствуясь ст. 63, 66, 69 СК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, квалифицируют систематическое необщение родителя с ребенком, отсутствие интереса к его жизни, здоровью и развитию как уклонение от воспитания и применяют крайнюю меру – лишение родительских прав. Данный подход отражает устойчивую позицию, согласно которой эмоциональное оставление, выражающееся в длительном «необщении», является формой неисполнения родительских обязанностей и влечет применение крайней меры семейно-правовой ответственности. Аналогичные подходы встречаются и в других судебных решениях (например, № 2-2061/2025 [Решение Щелковского городского суда от 03.03.2025 по делу № 2-2061/2025, 2025], № 2-788/2025 [Решение Петушинского районного суда от 24.06.2025 по делу № 2-788/2025, 2025], № 2-8642/2025 [Решение Подольского городского суда от 04.09.2025 по делу № 2-8642/2025, 2025]), что свидетельствует о сформировавшейся тенденции.

Вместе с тем следует отметить ряд проблем, возникающих при доказывании и правовой квалификации "необщения". Во-первых, отсутствие легального определения и четких критериев порождает риск неоднородной практики: суды по-разному оценивают продолжительность и причины отсутствия контактов. Во-вторых, существует вероятность злоупотребления правом со

стороны родителя, с которым проживает ребенок, который может намеренно препятствовать общению, а затем использовать факт длительного отсутствия контактов для инициирования лишения родительских прав другого родителя. Для предотвращения подобных ситуаций судам необходимо тщательно исследовать обстоятельства, связанные с реализацией права на общение, в том числе устанавливать, предпринимал ли отдельно проживающий родитель попытки к общению, обращался ли в органы опеки или суд за защитой своего права, не чинились ли ему препятствия. В-третьих, при квалификации "необщения" как уклонения от воспитания необходимо учитывать возраст ребенка и его отношение к родителю, поскольку для ребенка раннего возраста разрыв контакта может быть особенно травматичным, тогда как подросток вправе самостоятельно определять желание общаться.

Таким образом, "необщение" родителя с ребенком, приобретающее систематический и безосновательный характер, следует рассматривать как проявление эмоционального оставления и форму уклонения от выполнения родительских обязанностей по воспитанию. Действующее правовое регулирование позволяет квалифицировать такое поведение в рамках ст. 69 СК РФ без внесения изменений в закон, однако для обеспечения единообразия судебной практики целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснением о том, что систематическое уклонение родителя от личного общения с ребенком без уважительных причин, повлекшее утрату эмоциональной связи, относится к уклонению от воспитания и может служить основанием для лишения родительских прав. Такой подход отвечает принципу наилучших интересов ребенка и способствует защите его права на полноценное семейное воспитание, включающее не только материальное обеспечение, но и эмоциональную близость, заботу и участие в жизни.

Межличностный конфликт как основание ограничения родительских прав

Ограничение родительских прав представляет собой меру семейно-правовой ответственности, применяемую в случаях, когда оставление ребенка с родителем (одним из них) опасно для него, однако достаточные основания для лишения родительских прав отсутствуют (ст. 73 СК РФ). В науке семейного права обоснованно отмечается, что опасность для ребенка может выражаться не только в физической угрозе, но и в стойком негативном отношении ребенка к родителю, обусловленном длительным межличностным конфликтом между ними [Андреянова, 2025]. Такой конфликт, сопровождающийся эмоциональным отчуждением, страхом, отказом от общения, способен причинить существенный вред психическому здоровью и нормальному развитию несовершеннолетнего, что ставит вопрос о допустимости ограничения родительских прав именно по данному основанию.

Правовая природа ограничения родительских прав вследствие межличностного конфликта определяется двойственным характером оснований, предусмотренных ст. 73 СК РФ. Как справедливо указывает М.С. Андреянова, путем сравнительного анализа правовых норм можно выделить два основания ограничения родительских прав: опасность оставления ребенка с родителем по обстоятельствам, не зависящим от родителя (психическое расстройство, иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств), и опасность, возникающая вследствие виновного поведения родителя (злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение, уклонение от воспитания) [Андреянова, 2025, с. 195]. Межличностный конфликт может иметь как виновную, так и невиновную природу. Виновная форма выражается в

систематическом эмоциональном отвержении ребенка, унижении, игнорировании его потребностей, что провоцирует ответную негативную реакцию ребенка и устойчивое отчуждение. Невинная форма может быть обусловлена объективными обстоятельствами, например длительной разлукой, повлекшей утрату эмоциональной связи, либо влиянием третьих лиц, настраивающих ребенка против родителя. В обоих случаях результатом становится невозможность совместного проживания без угрозы психическому благополучию ребенка.

Для признания межличностного конфликта достаточным основанием ограничения родительских прав суду необходимо установить совокупность юридически значимых обстоятельств. Во-первых, длительность и устойчивость конфликта: кратковременные разногласия, обусловленные возрастными особенностями или конкретной ситуацией, не могут служить основанием для ограничения прав. Во-вторых, характер отношения ребенка к родителю: наличие страха, стойкого нежелания общаться, негативных эмоциональных реакций, подтвержденных заключением психолога. В-третьих, причины возникновения конфликта, в том числе поведение самого родителя (проявлял ли он заботу, предпринимал ли попытки наладить контакт, не допускал ли насилия или пренебрежения), а также поведение второго родителя (не препятствовал ли общению, не формировал ли у ребенка негативный образ другого родителя). В-четвертых, мнение органов опеки и попечительства, которые обязаны дать заключение о целесообразности ограничения родительских прав с учетом интересов ребенка. В-пятых, заключение психолого-психиатрической экспертизы, позволяющее оценить влияние конфликта на психическое состояние ребенка и прогноз его развития [Андреянова, 2025, с. 199-200].

Проблемы доказывания по данной категории дел связаны с необходимостью разграничения виновного и невинного поведения родителя, а также с риском злоупотребления правом со стороны родителя, с которым проживает ребенок. Последний может сознательно создавать условия для формирования у ребенка негативного отношения к другому родителю, ограничивать общение, а затем использовать возникший конфликт как основание для ограничения родительских прав. В таких ситуациях суду следует особенно тщательно исследовать историю взаимоотношений, устанавливать, имели ли место препятствия к общению, обращался ли родитель за защитой своего права на общение в органы опеки или суд. Существенное значение приобретает также возраст ребенка и его способность к самостоятельному формированию мнения: для ребенка раннего возраста конфликт с родителем чаще всего является отражением конфликта между взрослыми либо следствием поведения самого родителя, тогда как подросток вправе выражать собственное отношение, которое, однако, также должно оцениваться критически с учетом возможного влияния заинтересованных лиц.

Судебная практика последних лет демонстрирует признание межличностного конфликта в качестве обстоятельства, свидетельствующего об опасности оставления ребенка с родителем. Суды, как правило, удовлетворяют требования об ограничении родительских прав, если установлено, что конфликт носит затяжной характер, негативно влияет на эмоциональное состояние ребенка, а родитель не предпринимает реальных мер к восстановлению отношений либо сам провоцирует отчуждение своим поведением. При этом материальное содержание ребенка, как и в случае с "необщением", не компенсирует отсутствие эмоционального контакта и не исключает ограничения родительских прав. В то же время, если конфликт вызван исключительно действиями второго родителя, суды отказывают в ограничении прав, усматривая в этом попытку неправомерного лишения родителя возможности участвовать в воспитании.

Следует учитывать, что ограничение родительских прав по рассматриваемому основанию является временной мерой: согласно п. 2 ст. 76 СК РФ, если основания, в силу которых родитель был ограничен в правах, отпали, суд по иску родителя может вынести решение о возвращении ребенка и отмене ограничений. Поэтому межличностный конфликт не должен рассматриваться как необратимое основание; напротив, его квалификация в качестве юридического факта предполагает возможность восстановления детско-родительских отношений при условии устранения причин отчуждения, в том числе посредством психологической помощи, семейной медиации.

Таким образом, межличностный конфликт между родителем и ребенком, достигающий такой степени, при которой совместное проживание становится опасным для психического здоровья и развития несовершеннолетнего, может выступать основанием ограничения родительских прав. Однако его применение требует установления совокупности обстоятельств, исключающих как необоснованное вторжение в сферу родительских прав, так и злоупотребление правом со стороны другого родителя. Для обеспечения единообразного подхода целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснением о том, что длительный межличностный конфликт, подтвержденный заключением психолого-педагогической экспертизы и повлекший существенное нарушение эмоциональной связи, может рассматриваться как обстоятельство, свидетельствующее об опасности оставления ребенка с родителем применительно к ст. 73 СК РФ. Это позволит более эффективно защищать право ребенка на благоприятную семейную среду и одновременно гарантировать родителю возможность восстановления родительских прав при изменении ситуации.

Проблемы доказывания эмоционального оставления

Ключевая особенность эмоционального оставления как правового явления состоит в том, что оно представляет собой длящееся бездействие, не оставляющее очевидных материальных следов. Если физическое насилие может быть подтверждено медицинскими документами, свидетельскими показаниями о видимых повреждениях, то отсутствие эмоциональной связи, заботы и участия проявляется главным образом в психологическом состоянии ребенка и характере детско-родительских отношений. Это обуславливает необходимость использования комплекса косвенных доказательств и специальных знаний, а также порождает ряд процессуальных трудностей, требующих системного анализа.

В судебной практике для установления факта эмоционального отвержения используются различные средства доказывания. Центральное место среди них занимает заключение судебной психолого-педагогической экспертизы, которая позволяет оценить эмоциональную связь между родителем и ребенком, наличие или отсутствие привязанности, психологическое состояние несовершеннолетнего. Вместе с тем доказательственная ценность такого заключения не абсолютна: результаты экспертизы во многом зависят от квалификации эксперта, применяемых методик и полноты представленных материалов. Отсутствие единых стандартов проведения подобных исследований в делах о семейных спорах порождает риск противоречивых выводов, что снижает предсказуемость судебных решений.

Ключевым и обязательным доказательством по делам об эмоциональном оставлении является заключение судебной психолого-педагогической экспертизы, которая должна подтвердить наличие вреда психическому здоровью или нравственному развитию ребенка, а

также причинно-следственную связь между поведением родителя и этим вредом. Без такого заключения факт эмоционального оставления не может считаться установленным. Иные доказательства (показания свидетелей, акты органов опеки, наблюдения педагогов) имеют вспомогательное значение и подлежат оценке в совокупности с экспертным заключением.

Заключение врачебной психиатрической комиссии в отношении родителя, позволяющее оценить его психическое здоровье и способность к адекватному эмоциональному реагированию, также может иметь значение, однако оно далеко не всегда отражает реальную способность к установлению и поддержанию эмоционального контакта. Психическое расстройство само по себе не является безусловным доказательством эмоционального оставления, если оно не проявляется в конкретном поведении родителя.

Акты обследования материально-бытовых условий и характеризующие материалы, как правило, фиксируют лишь внешние, формальные аспекты жизни семьи и не позволяют оценить качество эмоциональных отношений. Аналогичным образом заключения органов опеки и попечительства, хотя и обязательны по данной категории дел, нередко носят общий характер и не содержат глубокого анализа психологической составляющей.

Особую сложность представляет использование показаний ребенка. Согласно ст. 57 СК РФ, мнение ребенка, достигшего десяти лет, обязательно учитывается, а в ряде случаев его согласие является необходимым. Однако эмоциональное оставление чаще всего затрагивает детей младшего возраста, которые не могут адекватно сформулировать свое отношение. Кроме того, ребенок может находиться под влиянием одного из родителей, что искажает его показания. Поэтому показания ребенка должны оцениваться в совокупности с другими доказательствами, в том числе с наблюдениями педагогов, психологов, результатами бесед, зафиксированными в письменных заключениях.

Бремя доказывания по делам о лишении или ограничении родительских прав лежит на истце, которым обычно выступает орган опеки и попечительства, прокурор или другой родитель. В случае эмоционального оставления заявитель сталкивается с объективной трудностью: необходимо доказать длящееся бездействие, то есть отсутствие действий, которые трудно зафиксировать. В отличие от единичного акта физического насилия, эмоциональное оставление проявляется в повседневном поведении, часто скрытом от посторонних. Суды вынуждены опираться на косвенные доказательства: свидетельские показания родственников, педагогов, соседей; переписку и записи телефонных разговоров; данные из социальных сетей; медицинские и психологические документы. Однако их допустимость и достоверность нередко оспариваются, особенно в части аудио- и видеозаписей, полученных без согласия сторон.

Значительная проблема состоит в разграничении действительного эмоционального оставления и ситуации, когда второй родитель умышленно создает препятствия к общению, формируя у ребенка негативный образ другого родителя. В таких случаях отсутствие контакта может быть вызвано не бездействием родителя, а активным противодействием противоположной стороны. Ранее уже отмечалось, что суду необходимо исследовать, предпринимал ли родитель попытки к общению, обращался ли за защитой своего права. С доказательственной точки зрения это означает необходимость установления причинно-следственной связи между поведением родителя и возникшим отчуждением. Если родитель докажет, что он систематически предпринимал меры к восстановлению общения (обращения в органы опеки, суд, письменные обращения), но встретил препятствия, его бездействие не должно квалифицироваться как эмоциональное оставление.

Судебная практика признает активное психическое насилие (например, психологическое давление на ребенка, манипуляции, запугивание) достаточным основанием для лишения родительских прав (например, дела № 2-1429/2024 [Решение Кировского районного суда г. Волгограда от 08.07.2024 по делу № 2-1429/2024, 2024], № 2-687/2024 [Решение Нижнетавдинского районного суда Тюменской области от 18.11.2024 по делу № 2-687/2024, 2024], № 2-6090/2023 [Решение Химкинского городского суда Московской области от 22.10.2023 по делу № 2-6090/2023, 2023], № 33-21443/2024 [Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2024 по делу № 33-21443/2024, 2024]). В подобных случаях, как правило, имеются объективные доказательства: изменение поведения ребенка после контактов с родителем, его замкнутость, подавленность, тревожность, зафиксированные специалистами (педагогами, психологами, органами опеки). Однако в делах о пассивном эмоциональном оставлении, когда родитель просто не проявляет инициативы к общению, не интересуется жизнью, здоровьем и развитием ребенка, доказать такое поведение значительно сложнее. Отсутствие действий само по себе не фиксируется каким-либо актом, и судам приходится опираться на косвенные доказательства: длительность периода без контакта, отсутствие попыток восстановить общение, неиспользование доступных средств связи, а также показания свидетелей и заключения органов опеки. Именно поэтому в практике выработаны более строгие требования к доказательственной базе по делам о пассивном оставлении, что отличает их от случаев с доказанным психическим насилием.

Таким образом, эффективное доказывание эмоционального оставления требует комплексного подхода, включающего совокупность согласующихся между собой доказательств: заключений экспертов, свидетельских показаний, данных о поведении ребенка, материалов органов опеки. Для повышения единообразия практики целесообразно на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснить, что факт эмоционального оставления может быть установлен на основании совокупности косвенных доказательств, если они в своей взаимосвязи достаточно и достоверно свидетельствуют о систематическом уклонении родителя от эмоционального контакта. Кроме того, необходимо сформулировать требования к содержанию судебной психолого-педагогической экспертизы, обязав экспертов указывать конкретные методики и обосновывать выводы об отсутствии привязанности. Это позволит снизить субъективность оценки и повысить защищенность прав детей от эмоционального отвержения.

Направления совершенствования законодательства

Проведенный анализ нормативной базы, доктринальных источников и судебной практики позволяет констатировать, что действующее семейное законодательство содержит лишь фрагментарные механизмы противодействия эмоциональному оставлению детей. Существующие правовые категории (уклонение от воспитания, психическое насилие, жестокое обращение) не в полной мере охватывают ситуации, при которых родитель формально сохраняет правовую связь с ребенком, но систематически игнорирует его эмоциональные потребности, не причиняя при этом явного физического вреда. Это обуславливает необходимость комплексного совершенствования законодательства по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Первое направление связано с легализацией понятия "отказ от ребенка" (child abandonment),

которое охватывало бы как физическое, так и эмоциональное оставление. В зарубежных правовых порядках данный институт используется для квалификации случаев, когда родитель сознательно устранился от выполнения родительских обязанностей, включая заботу, воспитание и эмоциональную поддержку, независимо от того, сопровождается ли это физическим оставлением. Например, в ряде штатов США под *child abandonment* понимается не только оставление ребенка без попечения, но и длительное отсутствие контакта и поддержки, что служит самостоятельным основанием для лишения родительских прав [Child Abuse Prevention and Treatment Act (CAPTA), 2026]. В Германии аналогичные ситуации охватываются понятием "грубое пренебрежение обязанностями по воспитанию" (§ 1666 BGB) [Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 1666, 2026], которое включает и эмоциональное пренебрежение. Введение в Семейный кодекс РФ категории "отказ от ребенка" либо "эмоциональное оставление" позволило бы устранить неопределенность при квалификации и создать единое правовое основание, объединяющее различные формы уклонения от воспитания. При этом следует учитывать, что расширение оснований ответственности родителей сопряжено с риском злоупотреблений со стороны второго родителя и чрезмерного вмешательства государства в семейные отношения. Поэтому введение нового понятия должно сопровождаться четкими критериями: систематичность, отсутствие уважительных причин, реальная возможность выполнения обязанностей, а также обязательная оценка последствий для ребенка. Предлагается дополнить ст. 69 СК РФ пунктом следующего содержания: "систематическое уклонение родителя от личного общения с ребенком, выражающееся в отказе от воспитания, эмоциональной поддержки и участия в жизни ребенка без уважительных причин, если это повлекло утрату или существенное нарушение эмоциональной связи между родителем и ребенком".

Второе направление состоит в законодательном закреплении обязанности родителей обеспечивать не только физическое, но и психическое и эмоциональное благополучие ребенка. Действующая редакция ст. 63 СК РФ возлагает на родителей обязанность заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии детей, однако понятие "эмоциональное благополучие" прямо не упоминается. Судебная практика, как показано в предыдущих разделах, вынуждена восполнять этот пробел путем расширительного толкования уклонения от воспитания. Целесообразно дополнить ст. 63 СК РФ указанием на то, что родители обязаны обеспечивать эмоциональное благополучие ребенка, включая проявление заботы, любви, внимания и уважения к его личности, создание условий для формирования и поддержания эмоциональной привязанности. Такое уточнение позволит судам более последовательно квалифицировать эмоциональное пренебрежение как нарушение родительских обязанностей, а также станет правовой основой для разграничения виновного и невиновного поведения родителя.

Третье направление касается совершенствования процедуры доказывания эмоционального оставления. Как отмечалось ранее, ключевая сложность заключается в отсутствии объективных критериев оценки эмоциональной связи между родителем и ребенком и единых стандартов проведения судебных психолого-педагогических экспертиз. Представляется необходимым на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делам данной категории, и разъяснить, что эмоциональное оставление может быть установлено на основании совокупности косвенных доказательств (заключений экспертов, свидетельских показаний, данных о поведении ребенка, материалов

органов опеки), если они в своей взаимосвязи достаточно и достоверно свидетельствуют о систематическом уклонении родителя от эмоционального контакта. Кроме того, следует сформулировать требования к содержанию экспертного заключения: эксперт обязан указать примененные методики, обосновать выводы об отсутствии или нарушении привязанности, оценить психологическое состояние ребенка и влияние на него поведения родителя. Разработка единых методических рекомендаций для экспертов, утвержденных Министерством юстиции РФ или иным уполномоченным органом, способствовала бы повышению объективности и сопоставимости экспертных выводов.

Четвертое направление связано с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 16 июля 2026 г. № 49-П [Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2026 № 49-П, 2026]. В указанном решении КС РФ признал, что в случае совершения родителем в отношении ребенка преступления, являющегося основанием для лишения родительских прав, сохранение помимо воли ребенка, достигшего восемнадцати лет, его правовой связи с этим родителем затрагивает достоинство личности и ставит под сомнение эффективность судебной защиты. Суд отметил, что юридическая связь между родителем и ребенком не может сохраняться исключительно в силу формального родства, если она причиняет страдания и противоречит воле ребенка. Хотя данное постановление принято в контексте преступлений против половой неприкосновенности, его правовая логика может быть распространена и на случаи длительного эмоционального насилия или оставления, повлекших стойкую утрату эмоциональной связи. Представляется целесообразным закрепить в семейном законодательстве механизм, позволяющий совершеннолетнему ребенку в судебном порядке прекратить правовую связь с родителем, который систематически уклонялся от выполнения родительских обязанностей, включая эмоциональное оставление. Это обеспечит защиту достоинства личности и права на уважение частной и семейной жизни, гарантированных ст. 21, 23 Конституции РФ и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Наряду с применением крайних мер (лишение и ограничение родительских прав) представляется обоснованным введение промежуточной меры ответственности за эмоциональное оставление, не требующей немедленного разрыва детско-родительских отношений. Предлагается дополнить Семейный кодекс РФ статьей 69.1, устанавливающей ответственность в виде компенсации морального вреда, причиненного ребенку, с обязательным прохождением родителем курса психологической коррекции. При повторном (в течение двух лет) эмоциональном оставлении это может служить основанием для ограничения или лишения родительских прав. Такой подход позволит судам применять соразмерные меры и стимулировать родителей к восстановлению эмоционального контакта.

При этом предлагается установить, что повторное (в течение двух лет после вступления в силу судебного акта о компенсации морального вреда) эмоциональное оставление может служить основанием для ограничения или лишения родительских прав в порядке, предусмотренном статьями 73 и 69 СК РФ.

Таким образом, совершенствование законодательства в сфере противодействия эмоциональному оставлению детей должно носить комплексный характер и включать: уточнение понятийного аппарата семейного права, закрепление обязанности родителей обеспечивать эмоциональное благополучие ребенка, разработку единых критериев доказывания и методик экспертной оценки, а также расширение правовых последствий для родителей, систематически нарушающих эмоциональную связь с ребенком. Предложенные меры позволят

более эффективно защищать право ребенка на полноценное семейное воспитание и одновременно обеспечить соблюдение прав и законных интересов всех участников семейных правоотношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Эмоциональное оставление ребенка представляет собой самостоятельную форму нарушения права ребенка на заботу и воспитание, не сводящуюся к традиционным категориям физического насилия или уклонения от материального содержания. Его следует определить как систематическое неисполнение родителем (лицом, его заменяющим) обязанности по обеспечению эмоционального благополучия ребенка, выражающееся в бездействии - игнорировании потребностей ребенка в любви, заботе, принятии, общении и эмоциональной поддержке, не обусловленное материальными трудностями и создающее угрозу психическому здоровью и нормальному развитию ребенка. Сущностными признаками данного явления выступают систематичность, пассивная форма (бездействие), отсутствие материальной обусловленности и реальная угроза психическому благополучию. Эмоциональное оставление необходимо отграничивать от психического насилия в узком смысле (активных действий - угроз, унижений, запугивания) и жестокого обращения, однако в ряде случаев они могут сочетаться.

Действующее семейное законодательство, не закрепляя легального термина "эмоциональное оставление", тем не менее содержит правовые механизмы, позволяющие дать ему юридическую оценку через категории уклонения от выполнения родительских обязанностей (ст. 69 СК РФ), ограничения родительских прав (ст. 73 СК РФ) и злоупотребления родительскими правами. Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию указанных оснований. Наиболее показательны две категории дел: во-первых, дела о систематическом "необщении" родителя с ребенком, которое суды квалифицируют как уклонение от воспитания, даже при условии надлежащего материального содержания, и признают достаточным основанием для лишения родительских прав; во-вторых, дела о межличностном конфликте между родителем и ребенком, который при определенной длительности и степени выраженности может служить основанием для ограничения родительских прав как мера защиты от опасности, создаваемой совместным проживанием.

Ключевая проблема правовой квалификации эмоционального оставления связана с доказыванием. Отсутствие видимых следов, длящийся характер бездействия, закрытость семейной сферы и риск злоупотребления правом со стороны второго родителя обуславливают необходимость использования комплекса косвенных доказательств: заключений судебных психолого-педагогических экспертиз, показаний свидетелей, данных о поведении ребенка, материалов органов опеки и попечительства. Вместе с тем отсутствие единых критериев оценки эмоциональной связи и стандартов проведения экспертиз порождает неоднородность судебной практики и снижает предсказуемость решений.

Для совершенствования правового регулирования представляется целесообразным реализовать следующие меры. Во-первых, дополнить ст. 69 СК РФ указанием на систематическое уклонение родителя от личного общения с ребенком, выражающееся в отказе от воспитания, эмоциональной поддержки и участия в жизни ребенка без уважительных причин, если это повлекло утрату или существенное нарушение эмоциональной связи. Во-вторых,

уточнить ст. 63 СК РФ, закрепив обязанность родителей обеспечивать не только физическое, психическое, духовное и нравственное развитие, но и эмоциональное благополучие ребенка. В-третьих, на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делам об эмоциональном оставлении, и разъяснить допустимость доказывания на основе совокупности косвенных доказательств, а также сформулировать требования к содержанию экспертных заключений. В-четвертых, с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 16 июля 2026 г. № 49-П, необходимо рассмотреть возможность закрепления в семейном законодательстве механизма прекращения правовой связи между совершеннолетним ребенком и родителем, систематически уклонявшимся от выполнения родительских обязанностей, включая эмоциональное оставление.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной доктрине семейного права сформулировано авторское определение эмоционального оставления ребенка, выделены его сущностные признаки, проведено отграничение от смежных правовых категорий, а также обоснована необходимость квалификации "необщения" и межличностного конфликта как форм проявления данного явления. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в законотворческой деятельности, судебной практике, работе органов опеки и попечительства, а также при подготовке методических рекомендаций по проведению судебных психолого-педагогических экспертиз.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются сравнительно-правовой анализ регулирования эмоционального оставления в зарубежных правовых системах, разработка критериев оценки эмоционального благополучия ребенка как самостоятельного объекта судебной защиты, а также изучение возможностей применения альтернативных мер воздействия (семейная медиация, психологическая помощь) для восстановления детско-родительских отношений до применения крайних мер семейно-правовой ответственности.

Таким образом, эмоциональное оставление ребенка, будучи латентной, но крайне опасной формой нарушения прав несовершеннолетних, требует системного правового реагирования. Предложенные меры позволят обеспечить более эффективную защиту права ребенка на полноценное семейное воспитание, включающее не только материальное содержание, но и эмоциональную близость, заботу и участие в жизни, при одновременном соблюдении баланса интересов всех участников семейных правоотношений.

Библиография

1. Андреева М.С. Межличностный конфликт ребенка и родителя как основание ограничения родительских прав // Психология и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 193–205. DOI: 10.17759/psylaw.2025150313.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2024 по делу № 33-21443/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2023. 412 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2026 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 54, пункта 2 статьи 61 и статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Республики Узбекистан А.» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 (ред. от 2025) «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
6. Решение Кировского районного суда г. Волгограда от 8 июля 2024 г. по делу № 2-1429/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LKtM9t1fmKdn/>

7. Решение Нижнетавдинского районного суда Тюменской области от 18 ноября 2024 г. по делу № 2-687/2024.
URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ysl2Z3Ngy5Wj/>
8. Решение Петушинского районного суда от 24 июня 2025 г. по делу № 2-788/2025.
URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YhvDHUtQPYUv/>
9. Решение Подольского городского суда от 4 сентября 2025 г. по делу № 2-8642/2025.
URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uYta5bKCBлх/>
10. Решение Химкинского городского суда Московской области от 22 октября 2023 г. по делу № 2-6090/2023.
URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1PjSEya5dKoQ/>
11. Решение Щелковского городского суда от 3 марта 2025 г. по делу № 2-2061/2025.
URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RjapoXgaFPYH/>
12. Рузакова О.А. Приемная семья в Российской Федерации как механизм разрешения проблемы социального сиротства и «отказа от ребенка» // Семейное и жилищное право. 2023. № 2. С. 23–28.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
14. Тарусина Н.Н. Семейное право: учебник. М.: Проспект, 2024. 368 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.06.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Emotional Abandonment of a Child in Russian Family Law: Problems of Qualification and Legal Consequences

Svetlana A. Zagorskikh

Senior Lecturer,
Department of Civil Law,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: pelageya82@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the phenomenon of "emotional abandonment" (mental rejection) of a child in the context of Russian family law. The normative grounds for holding parents liable for mental violence and emotional neglect are analyzed, and current trends in judicial practice are examined, including the qualification of systematic "non-communication" as an independent ground for deprivation of parental rights. Particular attention is paid to the problems of proving emotional abandonment and the need to improve legislation in this area. The author substantiates the conclusion that emotional abandonment, despite the absence of direct mention in the Family Code of the Russian Federation, is subject to legal qualification through the institutions of mental violence, evasion of upbringing, and abuse of parental rights, and judicial practice of recent years demonstrates a stable tendency to recognize purely psychological rejection as an independent ground for applying the most severe measures of family-law liability.

For citation

Zagorskikh S.A. (2026) *Emotsional'noe ostavlenie rebenka v rossiyskom semeynom prave: problemy kvalifikatsii i pravovye posledstviya* [Emotional Abandonment of a Child in Russian Family Law: Problems of Qualification and Legal Consequences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 314-329. DOI: 10.34670/AR.2026.89.66.033

Keywords

Emotional abandonment, mental violence, deprivation of parental rights, restriction of parental rights, evasion of upbringing, non-communication with the child, family law, child abuse, emotional neglect.

References

1. Andreyanova M.S. Interpersonal conflict between child and parent as grounds for restricting parental rights // *Psychology and Law*. 2025. Vol. 15. No. 3. P. 193–205. DOI: 10.17759/psylaw.2025150313.
2. Appellate Ruling of the Moscow City Court dated June 18, 2024, in Case No. 33-21443/2024 // ConsultantPlus Legal Reference System.
3. Nechaeva A.M. *Family Law: Current Issues of Theory and Practice*. Moscow: Yurayt, 2023. 412 p.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 49-P dated July 16, 2026, "On the case regarding the review of the constitutionality of Clause 1 of Article 54, Clause 2 of Article 61, and Article 69 of the Family Code of the Russian Federation in connection with the complaint of Citizen A. of the Republic of Uzbekistan" // ConsultantPlus Legal Reference System.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44 dated November 14, 2017 (as amended in 2025), "On judicial practice regarding the application of legislation in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in the event of an immediate threat to their life or health, as well as in cases of restriction or deprivation of parental rights" // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2018. No. 1.
6. Decision of the Kirovsky District Court of Volgograd dated July 8, 2024, in Case No. 2-1429/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LKtM9t1fmKdn/>
7. Decision of the Nizhnetavdinsky District Court of the Tyumen Region dated November 18, 2024, in Case No. 2-687/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ysl2Z3Ngy5Wj/>
8. Decision of the Petushinsky District Court dated June 24, 2025, in Case No. 2-788/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YhvDHUtQPYUv/>
9. Decision of the Podolsk City Court dated September 4, 2025, in Case No. 2-8642/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uYta5bKCBlxu/>
10. Decision of the Khimki City Court of the Moscow Region dated October 22, 2023, in Case No. 2-6090/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1PjSEya5dKoQ/>
11. Decision of the Shchelkovo City Court dated March 3, 2025, in Case No. 2-2061/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RjapoXgaFPYH/>
12. Ruzakova O.A. Foster families in the Russian Federation as a mechanism for resolving the problem of social orphanhood and "child abandonment" // *Family and Housing Law*. 2023. No. 2. Pp. 23–28. 13. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on March 23, 2026) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 1. Art. 16.
14. Tarusina N.N. *Family Law: Textbook*. Moscow: Prospekt, 2024. 368 p.
15. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on June 28, 2026) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.